

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (*Витебск, Белоруссия*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова
mvavit@tut.by

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАК ИСТОЧНИК ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье показано, что интерес к глубинным знаниям – важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней; именно синтагматические связи создают в поэзии те глубинные смыслы, которые являют собой очарование и загадку.

Еще А.С. Пушкин заметил, что русский язык неистощим в способности к соединению с другими словами. А сама поэзия также определяется через соединения слов: поэзия, по определению Э. Колдриджа, – это обычные слова в необычном порядке. Именно она учит понимать прелесть обоснованных нарушений соединения слов. Специфику каждого произведения составляют особые отношения языковых единиц внутри поэтического текста, именно они определяют эстетическую функцию всего текста.

Но даже в обыденном языке много загадочного. Так, для передачи идеи движения существует множество синонимов, большинство из которых употребляется с разными по семантике существительными: *облака плывут, море бушует, лед тронулся, ягоды пошли, молоко улежало*. С другой стороны, движение разных объектов может быть передано одним глаголом *идти*: *мальчик идет, время идет, автобус идет, часы идут, годы идут* и т. д. С чем это связано: с обычной многозначностью и омонимией, либо здесь заложены некие глубинные ментальные смыслы, которые делают такие сочетания понятными для носителей языка.

В последнее десятилетие лингвистика доказала, что язык – особая система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими. Больше, разумеется, системных фактов. Поэтому мы

пытаемся управлять языком – где запретами, законами, а переменной социальных практик, т.к. изменения в политической, социальной и др. сферах жизни приводят к трансформации языка. Такое насильственное регулирование языка ни к чему хорошему не приводит. Мысль о том, что язык развивается таким образом, не более, чем миф.

В языке, особенно в поэзии, мало что можно объяснить с точки зрения причинности, потому что мир поэзии лежит за пределами причинности. Несколько слов о каузативности (каузальности) как форме всеобщей связи явлений. Если раньше в традиционной науке считалось, что нет явлений, для которых не было бы причин, и нет явлений, которые не имели бы следствий, то в современной науке этот принцип подвергается сомнению. Это постмодернистская философия Анти-Эдип, направленная на разрушение эдипова комплекса как базового символа классической традиции; шизоанализ, трактующий бессознательное как самодетерминирующуюся сущность, как «нечто, порождаемое самого себя». Сюда же следует отнести теорию Смерти Автора, как причины появления текста, а также индетерминизм, неопредетерминизм и другие современные теории, которые позволяют предположить возможность некаузативного миропостижения.

Сама по себе статистика, даже самая добросовестная, не создает достоверной картины языка, поэтому статистические зависимости в языке не столь важны для языка, хотя и существуют. Это «бухгалтерия в лингвистике». Значительно важнее и сложнее функциональные зависимости. Язык саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не соотносясь с причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф, группа продленного дня, стоять под дверью*. Или такие предложения: *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец*. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый

смысл в них отсутствует, хотя они привычны для русского уха и часто используются в языке.

Образ мира, сотканный из несистемных фактов соотносится с особенностями национальной культуры и психологии, поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем.

В поэзии все происходит еще сложнее. Поэзия – это высшее проявление национального языка, ее пронизывает непреодолимая тяга за пределы, к глубинному знанию. Это можно подтвердить следующим примером, из которого видно, что именно глубинные знания придают тексту, в данном случае стихотворению А.Блока «Девушка пела в церковном хоре...», глубину и позволяют увидеть особый смысл. Талантливый поэт и литературовед П. Вайль считает, что это стихотворение о памяти.

В стихотворении говорится о молитве, которая, как все верят, будет услышана Богом: *И всем казалось, что радость будет*. А потом следует, казалось бы, неожиданная фраза:

*... только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад...*

На поверхности лежит мысль о бессмысленности человеческих надежд и даже молитвы. Так и трактовалось данное стихотворение в советском литературоведении.

Но на глубинном уровне здесь просвечивает мистический смысл Литургии. Младенец в Христианстве – это Ангел. Реальные дети тоже иногда плачут перед Причастной Чашей. В этом тоже свой мистический смысл: указание на духовное неблагополучие, на отсутствие благодатного действия Причастия, которое устанавливает мир в душе. Вероятно, ребенок плачет потому, что молитвы не доходят до Бога, и он,

как ангельская душа, это видит. Как видим, глубинный пласт многое объясняет.

Интерес к глубинному – важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней. Еще В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова, отметил сокрытость этих смыслов от человеческого рассудка, при этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство: язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть [2: 378].

Уже в начале нашего века было установлено, что познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы... с выходом на концептуальные построения языка» [1: 38]. И действительно, если традиционная лингвистика – это превращение языка из тайны в систему единиц и сеть значений, то тенденции современной лингвистики – желание посмотреть в обратном порядке – на глубинные основы языка через систему значений и смыслов. Еще в конце прошлого века возникла отдельная область знаний - нейролингвистическое программирование, в котором считается, что слова и фразы языка – это поверхностные структуры, которые лишь в самых общих чертах выражают глубинные структуры.

Следовательно, путь к раскрытию тайн языка, тайн смыслов – это путь современной лингвистики, которая посредством овладения глубинными художественными смыслами сможет постичь основы мироздания и сформировать культурную личность, потому что систематическое чтение поэзии и восприятие ее глубинных смыслов является важнейшим источником формирования гуманитарной культуры личности.

Посмотрим на поэтическую картину мира, созданную украинским поэтом Дм. Бураго, который формирует свое видение мира не только на основе переработки собственного опыта, своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, зафиксированного в мифах и архетипах. В центре его поэтического космоса – полифония смыслов, которая создается перевернутым мировосприятием:

*Дерево становится птицей,
птица становится ветром,
ветер становится деревом.*

*потому что у птицы крылья ветра,
у ветра крепость дерева,
а у дерева душа птицы.*

Как видим, синтагматический аспект его фраз не подчинен логике здравого смысла. Столкнувшись с разбегу, слова, фразы как бы резонируют, создавая для нас образ перевернутого, но в целом верного мира. Мы понимаем, что мир в поэзии устроен удивительно мудро и загадочно. Столкновение неожиданных слов переполняют их смыслом, но смыслы диффузны и зыбки.

С помощью неожиданной сочетаемости Случайность врывается в стих, и мир становится непредсказуемым, иррациональным. Поэтическая картина мира Дм. Бураго – это система многомерных образов, знаний, представлений. Тайная тяга за пределы видимого мира, к угадываемой подлинности, пронизывает всю его поэзию. Такой подход свидетельствует о нелинейном видении текста и, соответственно, мира, которое, по мнению К.Г. Юнга, присуще пророкам, поэтам и большим ученым.

Функция поэзии – открывать нам гармоничный и удивительный мир, фиксировать какие-то состояния души, в которых читатель

угадывает собственные. В.В. Налимов утверждает, что культура, лишенная глубинного и иррационального, становится антикультурой [3: 93]. Следуя поэтическому слову, мы не скользим по поверхности жизни, а проникаем в бездну истины.

Глубинные смыслы не всегда закладываются поэтом с текст сознательно, а читатель, в свою очередь, извлекает не всегда те смыслы, которые вложил поэт, потому что эти смыслы в голове у читателя.

Л.А. Новиков очень тонко заметил, что «источник эстетического – переживаемый смысл, воплощенный в художественной форме, которая реализуется посредством того или иного приема» [4: 32]. Часто приемы настолько переплетены, что являют собой тончайшую игру со смыслами: Так, у Дм. Бураго встречаем: *Эта блажь, это серая устрица, / устье трепета, троп наготы. / Торопливого лепета лущится / лесть изнанки и страх пустоты.* Здесь в общую метафору внутреннего состояния поэта, который переживает очередной украинский майдан и видит его бессмысленность и разрушительную мощь, вплетаются скрытые сравнения (*блажь* сравнивается с *серой устрицей*), необычное метафорическое видение ситуации – *лесть изнанки*, а все вместе рождает *страх пустоты*, появление которой предвидит поэт.

Отсюда **вывод** о том, что лишь поэзии под силу раскрыть процессы, происходящие на глубинных уровнях сознания и подсознании, т. е. в ментальности. Смысл в поэзии является психическим по своей природе. Язык с помощью поэта творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. И эта сотворенная поэтом реальность называется культурой. Смыслы в поэтическом тексте далеко уходят за пределы значений слов, используемых в стихотворении. Истина, содержащаяся в стихах, сокрыта, ее следует искать, как ищут ее в речах пророка. Содержание стихотворения часто алогично и загадочно. А основной

источник эстетического переживания – художественный смысл, а, точнее, игра со смыслами, которые закладываются в текст и извлекаются из него чаще всего с помощью сочетаемостных возможностей слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Г.И. Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков. Липецк. 2017. С. 7–25.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 451 с.
3. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 264 с.
4. Новиков Л.А. Феномен эстетического в языке. Опыт аналитического синтеза // Новиков Л.А. Избранные труды. Т.2, М.: Изд-во РУДН, 2001. С.17–36.